

Субъектно-имперсональные рефлексивные конструкции в словенском языке

Младен Ухлик

Люблянский университет, Словения
E-mail: mladen.uhlik@ff.uni-lj.si
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-4635-9273>

Андрея Желе

Люблянский университет, Словения
Институт словенского языка им. Ф. Рамовша, НИЦ САНИ
E-mail: andreja.zele@ff.uni-lj.si
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-6477-2590>

Аннотация. В статье рассматриваются формальные, смысловые и коммуникативно-прагматические особенности субъектно-имперсональных рефлексивных конструкций в словенском языке. Предметом исследования являются конструкции с возвратными формами невозвратных глаголов (*Nekoč se je veliko delalo* ‘В прошлом много работали’), связанные с невыраженным произвольным агентом-человеком и передающие хабитуальные или итеративные действия, а также способные выражать деонтическую модальность. Подобные конструкции, характерные для южно- и западнославянского ареалов, могут трансформироваться в активные личные конструкции (*Nekoč so ljudje veliko delali* ‘В прошлом люди много работали’). Субъектный имперсонал мы сравниваем с другими безличными и пассивными конструкциями в словенском языке, контрастно рассматривая их особенности на фоне подобных конструкций других южнославянских языков, а также русского языка.

Ключевые слова: субъектный имперсонал, рефлексивные конструкции, безличные конструкции, произвольный агент, словенский язык, южнославянские языки

Reflexive Impersonal Constructions Expressing an Arbitrary Agent in Slovenian

Summary. The article presents formal, semantic, and pragmatic features of Slovenian subject impersonal reflexive constructions, e. g. *Nekoč se je veliko delalo* ‘Back in the day, one used to work a lot’. Constructions with unexpressed arbitrary agents should be distinguished from sentences in which the nominative agent has been omitted, but can be determined from the context. Subject impersonal reflexive constructions use the reflexive forms of non-reflexive verbs. In such constructions, the morpheme *se* is a grammaticalized element that does not express a reflexive action. The constructions under discussion can express habitual or iterative actions performed by a non-expressed human agent and can also have a deontic meaning. Reflexive constructions with arbitrary agents mainly involve verbs denoting conscious human actions and activities, which sets them apart from weather impersonals or

Received: 24.10.2020. Accepted: 12.11.2020

Copyright © 2020 Младен Ухлик, Андрея Желе. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

subjectless constructions describing physiological states. Subject impersonals, characteristic of South Slavic and West Slavic languages, are parallel to those in which the arbitrary agent is expressed lexically (*Nekoč so ljudje veliko delali* ‘Back in the day, people used to work a lot’). We compare subject impersonals with other impersonal and passive constructions in Slovenian and, at the same time, contrast their features with similar constructions in other South Slavic languages and Russian.

Key words: subject impersonals, reflexive constructions, impersonal constructions, arbitrary agent, Slovenian, South Slavic languages

Subjektinės impersonalinės refleksyvinės konstrukcijos slovėnų kalboje

Santrauka. Straipsnyje nagrinėjamos slovėnų kalbos subjektinių impersonalinių refleksyviųjų konstrukcijų formalinės, semantinės ir komunikatyvinės bei pragmatinės savybės. Tyrinėjimų objektas — beasmėnės konstrukcijos su nesangražinių veiksmažodžių sangražinėmis formomis (*Nekoč se je veliko delalo* ‘Kadaise (žmonių) daug darbuotasi’), kuriose morfema *se* yra gramatizuotas elementas, neišreiškiantis refleksinio veiksmo. Jos yra susietos su nenurodytu agentu (veiksniu) – žmogumi ir perteikia habitualius arba iteratyvius veiksmus, taip pat gali reikšti deontinį modalumą. Panašios konstrukcijos būdingos pietų ir vakarų slavų arealo kalboms ir gali transformuotis į aktyvines asmenines konstrukcijas (*Nekoč so ljudje veliko delali* ‘Kadaise žmonės daug darbavosi’). Slovėnų kalbos subjektinės impersonalinės konstrukcijos lyginamos su kitomis šios kalbos beasmėnėmis ir pasyvinėmis konstrukcijomis, kartu jos savybės kontrastyviai gretinamos su kitų pietų slavų bei rusų kalbos atitinkamomis konstrukcijomis.

Reikšminiai žodžiai: subjektyvus impersonalas, refleksyvinės konstrukcijos, beasmėnės konstrukcijos, arbitralus agentas, slovėnų kalba, pietų slavų kalbos

1. Словенские субъектно-имперсональные конструкции: общие замечания

При рассмотрении возможностей выражения обобщенного агенса в словенском языке мы ограничимся лишь одной из них – субъектно-имперсональной конструкцией (далее СИК)¹, напр.: *Nekoč se je veliko delalo* ‘В прошлом много работали’. Мы продемонстрируем, что такие конструкции используются ограниченно, в основном для выражения деконкретизированного действия, выполняемого обобщенным агенсом, для чего сопоставим СИК с безличными и пассивными конструкциями. Кроме того, рассмотрим типичные значения СИК и их связь с категориями вида и времени, а также особенности их аргументной структуры.

Для СИК характерно употребление возвратных форм невозвратных глаголов: *brati* ‘читать’ → *Bere se. Bralo se je*. Морфема *se* здесь является грамматикализованным элементом, не выражающим возвратного или взаимного действия и маркирующим субъектный имперсонал².

¹ В современную лингвистическую литературу термин *субъектные имперсональные конструкции (субъектный имперсонал)* ввела Эмма Генюшене [Генюшене, Неद्याлков 1991, 270–271]. В словенской лингвистике вместо него употребляется термин *zgradbe s splošnim vršilcem dejanja* ‘конструкции с произвольным агенсом’ [Toporišič 2004, 357].

² Грамматикализованная морфема *se* не имеет алломорфов, в частности, *si*.

Сравним две конструкции со значением обобщенного агенса³: (1) субъектно-имперсональную рефлексивную (*govori se*) и (2) обобщенно-личное предложение, в котором форма 2 л. (*vprašáš, ti*) отсылает нас не к адресату, а к обобщенному участнику ситуации.

(1) слвн. **Govori se**, da mnogi ljudje prav zaradi (...) velikosti [kuščarja] in videza zmotno mislijo, da je njegov ugriz strupen.

рус. **Говорят**, что многие люди как раз (...) из-за размера [ящерицы] и ее внешнего вида ошибочно думают, что ее укусы ядовиты⁴.

(2) слвн. Če se moj sin vrne v Italijo, ga lahko priprejo. In ko jih **vprašáš** zakaj, **ti** nikoli ne odgovorijo.

рус. Если мой сын вернется в Италию, его могут арестовать. И если их спрашиваешь за что, они никогда тебе ничего не ответят.

В словенских конструкциях с обобщенно-личными предложениями (2) обобщенный участник может быть выражен не только окончаниями глагольных форм 2 л. ед. или мн. ч. (*vprašáš/vprašate*), но также при помощи аргумента в форме любого падежа. Обратная ситуация наблюдается в СИК с возвратными формами 3 л. ед. ч.: субъект в них выражается имплицитно исключительно глагольной формой с возвратной частицей (*govori se*), что делает невозможным использование субъекта в любом падеже⁵.

В СИК невыраженность аргумента в им. пад. уменьшает референциальность агенса, поэтому такие конструкции (*se je hodilo*) не следует смешивать также с личными эллиптированными предложениями, в которых референцию субъекта в им. пад. (в примерах нотируется посредством **pro**), в конкретном примере невыраженного (4), может прояснять контекст, ср. (3) и (4):

(3) слвн. Odraščal sem v komunizmu, ko **se je hodilo** po nakupih v tujino.

рус. Я рос при коммунизме, когда за покупками **ездили** за границу.

(4) слвн. Videl sem **dekle**, (**pro**)_i Hodilo je ob reki.

рус. Я видел девушку. Она гуляла вдоль реки.

³ В статье использованы примеры из словенского корпуса *Gigafida 2.0* (<https://viri.cjvt.si/gigafida>) и поисковой системы <https://www.google.com>. Примеры из других южнославянских языков и русского, если они не являются переводами словенских, взяты из цитируемой литературы или из параллельного корпуса славянских языков *Parasol* (<http://www.parasolcorpus.org>), а также из *Национального корпуса русского языка* (<http://www.ruscorpora.ru>).

⁴ Примеры, подобные рус. *говорят*, употребляемому уже как частица со значением эвиденциальности, есть и в словенском языке. Некоторые СИК лексикализируются и открываются от парадигмы глагола, ср.: *se razume* 'понятно, ясно'; совр. частица *seveda* 'конечно' ← *Se ve, da...*

⁵ Рефлексивные конструкции с NOM являются пассивными, в которых NOM кодирует пациенса, а не агенса, напр.: *Knjiga se lepo bere* 'Книга легко читается'.

Особенностью СИК является исключительно грамматическое выражение предикативного отношения между невыраженным субъектом и сказуемым, реализуемое формой 3 л. ед. ч. ср. р., см. (3)⁶. Это наиболее очевидно в примерах с аналитическими глагольными формами прошедшего и будущего времени.

Специфика СИК, общая для словенского языка и других южнославянских языков, очевидна при их контрастивном сопоставлении с их соответствиями в русском языке (5, 6):

(5) слвн. Manj **se je potovalo** na velike razdalje, pogosteje pa **se je potovalo** vase, v lastno notranjost.

рус. Меньше **путешествовали** на дальние расстояния, чаще **путешествовали** вглубь себя, в свой внутренний мир.

мак. Помалку **се патувало** на големи растојанија, почесто **се патувало** внатре в себе, во својот свет.

болг. По-малко **се пътуваше** на далечни разстояния, по-често **се пътуваше** към себе си, към своя вътрешен свят.

шток. Manje **se putovalo** na velike razdaljine, češće **se putovalo** u sebe u vlastitu unutrašnjost.

(6) слвн. Določili so postopek, kako **se ravna** z bolnimi in njihovimi stvarmi.

рус. Определили порядок того, как **поступать** с больными и их вещами.

мак. Определија ред, како да **се постапува** со болните и со нивните работи.

болг. Беше определен редът как да **се постъпва** с болните и с техните вещи.

шток. Odredili su postupak kako **se postupa** s bolesnicima i njihovim stvarima.

Функциональным эквивалентом южнославянских возвратных конструкций (1, 3, 5) в русском языке обычно являются неопределенно-личные предложения (*говорят, ездили*)⁷, однако русские конструкции с глаголами в 3 л. мн. ч. не полностью идентичны словенскому субъектному имперсоналу (см. ниже).

В СИК используются возвратные формы как непереходных (*spati* ‘спать’, *živeti* ‘жить’, *umirati* ‘умирать’), так и переходных (*kaditi* ‘курить’, *jesti* ‘есть’, *piti* ‘пить’) глаголов⁸. Смысловый акцент в этом случае находится на самом действии, и поэтому переходные глаголы, особенно несов. в., часто употребляются без эксплицитно выраженного дополнения (*Pri nas se dobro jé* ‘У нас можно вкусно поесть’). Участник (пациенс

⁶ О проблеме согласования в предикативных отношениях см. [Žele 2007].

⁷ В словенском языке обобщенный субъект может быть выражен также формой 3 л. мн. ч. с опциональным подлежащим *ljudje* ‘люди’.

⁸ Стоит заметить при этом, что проведенный Э. Генюшене [1991, 271] типологический анализ СИК с возвратными формами показал большую характерность употребления в них непереходных, а не переходных глаголов.

или стимул), в переходной конструкции ставший бы прямым дополнением, может быть выражен формой вин. пад. (см. ч. 3).

2. Словенские субъектно-имперсональные конструкции и сходные безличные конструкции

СИК важно отличать от формально близких безличных конструкций разного рода⁹. Так, СИК типа *Nekoč se je več delalo* 'В прошлом больше работали' по форме напоминают безличные метеорологические предложения:

(7) слвн. *Včeraj se je zgodaj pooblačilo.*
рус. Вчера небо рано затянулось облаками.

или конструкции со значением душевных/телесных состояний с экспериментом в дат. пад.:

(8) слвн. *Vrtelo se mi_{ДАНТ} je.*
рус. У меня кружилась голова.

Объединяют их следующее: а) отсутствие подлежащего в им. пад., б) дефолтные возвратные глагольные формы в 3 л. ед.ч. в роли сказуемого, что ярче всего проявляется в прошедшем и будущем времени.

Действительно, агенс отсутствует в обоих приведенных примерах — и в метеорологическом предложении (7)¹⁰, и в безличной конструкции, описывающей душевное/телесное состояние (8)¹¹. Отличие СИК от данных конструкций заключается в том, что в ней агенс, не будучи выраженным, имплицитно существует. Существенно, что невыраженный участник может быть только агенсом-человеком¹², связанным предикативными отношениями с набором глаголов, относящихся к человеческой деятельности. Это справедливо также и для (9):

(9) слвн. *Seveda pa morajo [...] te tožbe v slovenskem poslovnem svetu dobiti tudi kakšen epilog. Sicer bo vtis, da se veliko laja, ugriza pa od nikoder.*

⁹ Термины *безличные* и *имперсональные* конструкции в данной работе употребляются синонимично.

¹⁰ Не все безличные конструкции в словенском языке содержат возвратные формы, ср. метеорологические конструкции: *Pri nas dežuje* 'У нас идет дождь', *Poleti pogosto grmi* 'Летом часто гремит гром'.

¹¹ Об отличиях СИК от возвратных конструкций, описывающих физиологические процессы, см. также [Uhlík, Žele 2018].

¹² В словенском языке нет безличных конструкций, характерных для ряда южноштокавских говоров, в которых глагольная форма в 3 л. ед. ч. отсылает к известному, но незадуманному агенсу-человеку, зачастую связанному с властью: *Kaznilo ga je* 'Его казнили' *Ubilo ga je* 'Его убили' [Об этом см. Venić, § 96: II. 3].

рус. Такие иски [...], конечно, должны иметь в словенском деловом мире также какой-то эпилог. В ином случае сложится впечатление, что много **лают**, да никто не кусает.

Хотя основное значение глагола *lajati* ‘лаять’ описывает поведение животного, в данной СИК (*se laja*) он обозначает поведение человека, говорящего громко и эмоционально.

То же ограничение справедливо и для русских неопределенно-личных конструкций с формами 3 л. мн. ч. [см. Никитина 2011], которые часто соответствуют словенским СИК.

В словенских СИК преобладают глаголы, описывающие сознательную человеческую деятельность¹³. Имплицированность агенса, таким образом, является для данных конструкций прототипической. Число глаголов, описывающих преимущественно неконтролируемое действие или состояние (см. пример 10), намного меньше. Употребление в СИК глаголов неконтролируемой деятельности (напр., *umirati* ‘умирать’ или *padati* ‘пасть в бою’), может незначительно изменить их смысл.

(10) слвн. Za našo športno javnost šteje izključno to, kako **se pade** v boju.

рус. Для наших болельщиков имеет значение лишь то, как погибают в бою.

Д. Бунчич [Bunčić 2018, 109], изучив польские и штокавские примеры, отметил, что в СИК даже глаголы, изначально обозначающие неконтролируемое действие, получают статус глаголов осмысленного действия либо намеренного самопожертвования, что справедливо и для словенских примеров типа *Umiralo se je za svobodo* ‘Многие умирали за свободу’.

Некоторые глаголы, употребляемые в безличных метеорологических конструкциях (9), в СИК могут выступать с иным лексическим значением. Так, конструкция с возвратной формой и невыраженным агенсом в (12) относится не к явлениям природы, как в (11), но к действиям людей:

(11) слвн. Zunaj močno piha.

рус. На улице сильный ветер.

(12) слвн. Včasih izgine kakšna narodna noša, glasbilo, v katerega **se piha**, ali notno stojalo.

рус. Иногда исчезает народный костюм, музыкальный инструмент, в который дуют, или пюпитр.

¹³ Этим СИК отличаются от безличных метеорологических конструкций.

2.2. Соотношение субъектно-имперсональных и пассивных конструкций

В типологической и славистической литературе встречается утверждение, что СИК являются частным случаем т. наз. рефлексивного пассива [Ivić 1963; Siewierska 1988], поскольку для них, как и для пассивных конструкций, характерно снижение коммуникативного ранга агенса. Однако СИК отличаются от пассивных следующими особенностями¹⁴:

- в пассиве пациент получает статус привилегированного участника. Так, в (13) он маркирован им. пад. и с точки зрения актуального членения предложения является темой:

(13) слвн. Nedeljska kava_{NOM} **se** **pije** počasi. (пассив)
рус. Воскресный кофе пьют медленно.

- В СИК, в отличие от пассивных конструкций, объект либо не выражен вовсе (14)¹⁵, либо выступает не в форме им. пад. (15). Акцент смещается на обобщенный характер действия или же на рекомендации по его правильному выполнению (о примерах, подобных (15), см. раздел 3).

(14) слвн. Opozorila ga je »**Pije se** počasi!«
рус. Она его предупредила: «Пить надо медленно!»

(15) слвн. Vodko_{ACC} **se** pri nas **pije** hitro.
рус. Водку у нас пьют быстро.

Утверждая, что предложение пассивное (16), мы даем понять, что у него есть активный коррелят (17): одна и та же информация может быть представленной с двух различных коммуникативных точек зрения. При этом в словенском языке, в отличие от русского, возможность выражения агентивного дополнения в пассивных конструкциях является стилистически маркированной, ср. классифицируемый как канцеляризм пример (16) с агентивным дополнением — предложной группой *s strani* + GEN.

(16) слвн. Dokumenti_{NOM} **se** preverjajo s strani ustrezne ustanove. (пассив)
рус. Документы проверяются соответствующим учреждением.

¹⁴ О различиях между СИК и пассивом в других славянских языках см. [Кореšný 1962, 118, Градинарова 2007].

¹⁵ Рассматривая вопрос о залоге, В. А. Плуноян классифицирует примеры типа *В инструкции сообщалось о правилах обращения с пейджером* как особые пассивные конструкции, в которых пациент не получает высокого ранга. Такие конструкции, по его мнению, связаны с исходными активными, в которых сказуемое выступает в форме 3 л. мн. ч., напр.: *В инструкции сообщали о правилах*. Следует отметить также редкость конструкций типа *сообщалось о* в русском языке [Plungjan 2016, 263–264].

(17) слвн. *Dokumente preverja ustrezna ustanova.* (актив)
 рус. Документы проверяет соответствующее учреждение.

Важно, что обобщенность или деконкретизация агенса для пассивных конструкций несущественны, речь идет лишь об утрате им ведущего (с коммуникативно-прагматической точки зрения) ранга, тогда как СИК не уменьшает важности агенса как такового, но способствует его обобщению и деконкретизации (18):

(18) слвн. *Dokumente_{ACC} se redno preverja.* (СИК)
 рус. Документы регулярно проверяют.

Из вышесказанного также следует, что пассивное предложение может обозначать как актуальное (19), так и неактуальное действие (16). Словенские СИК выражают обобщенное неактуальное деконкретизированное действие (20) (некоторые исключения, обусловленные прагматическим контекстом, приведены ниже, см. (27)).

(19) слвн. *Poglej, hiša_{NOM} se gradi.* (пассив может обозначать актуальный процесс)
 рус. Смотри, дом строят.

(20) слвн. *Pri nas se gradi, ko se ima denar.* (СИК описывает хабитуальное, т. е. неактуальное действие).
 рус. У нас строят, когда есть деньги.

В пассивных конструкциях, являющихся лишь одной из диатетических возможностей, используются исключительно переходные глаголы, в СИК же употребляются как переходные, так и непереходные глаголы. Кроме того, в СИК используются лишь возвратные формы исходно невозвратных глаголов¹⁶.

Еще одной особенностью СИК является возможность употребления в них возвратного притяжательного местоимения *svoj* 'свой', выполняющего идентификационную функцию и анафорически относящегося к невыраженному antecedенту (21):

(21) слвн. *Redko se prizna svoje napake_{ACC}.*
 рус. Свои ошибки редко признают.

¹⁶ Использование в СИК исключительно возвратных (reflexiva tantum) глаголов представляется сомнительным, ср., напр. *³Pri nas se boji novega vala pandemije.*

3. Типичные значения субъектно-имперсональных конструкций и их связь с категориями вида и времени

Рассмотрим значения СИК и типичные прагматические контексты их употребления, а также эксплицируем отношения, связывающие рассматриваемые значения с грамматическими категориями времени и вида.

Деконкретизация действия в словенском языке представлена тремя значениями, типичными для СИК: хабитуальности, итеративности и деонтичности. Центральным для СИК является значение хабитуальности — обозначения обобщенных действий и процессов¹⁷, обычно выражаемых при помощи форм глаголов несов. в. в настоящем времени. В конструкциях с хабитуальным значением чаще всего выступают глаголы семантической группы действия и деятельности, ср. (22), где хабитуальность интенсифицирована количественным наречием *veliko* ‘много’, подчеркивающим многократность действия.

(22) слвн. Tudi v Sloveniji **se veliko dela** na razvoju baterij.
рус. В Словении тоже много работают над развитием аккумуляторов.

Если хабитуальная ситуация выражена предельным глаголом со счетно-определенным прямым дополнением, в словенских СИК обычно используются глаголы сов. в.¹⁸, напр., в (23):

(23) слвн. Najbolj všeč so mi šale o ruskih politikih in socializmu ter tiste na račun njihovih tostov [...], ob katerih **se spije** kozarček vodke.
рус. Больше всего мне нравятся анекдоты про русских политиков и социализм, а также про тосты [...], под которые выпивают рюмочку водки.

Со значением хабитуальности¹⁹ часто бывает связано значение итеративности. СИК с таким значением обычно описывают опыт говорящего и употребляются, как правило, для описания действий в настоящем и/или прошлом, ср. (24), где возвратные формы *pilo se je* ‘пили’ и *pele se je* ‘пели’ маркируют повторяющуюся длительность в прошедшем времени:

¹⁷ Хабитуальность мы понимаем как частный случай аспектуальности, не относящийся исключительно к обозначению регулярных действий [Lyons 1977, 178], но выражающий главным образом повторяющиеся действия или состояния, способные перетекать в обобщенный признак.

¹⁸ Подобное использование глаголов сов. в., описывающих одновременно и повторяющиеся, и хабитуальные действия, характерно для чешского, словацкого, серболужицкого и словенского языков [S. Monnesland 1988, 61]. Иная ситуация в русском, украинском, белорусском, польском и болгарском языках, где хабитуальность и повторяемость выражаются только несов. в. В штокавском и македонском засвидетельствовано использование и сов., и несов. в.

¹⁹ Хабитуальность не полностью эквивалентна повторяемости, так как может включать также стативность, т. е. статичные предикаты, в то время как повторяемость относится исключительно к повторению действия [Monnesland 1988, 58–59].

(24) слвн. Vlak, poln Čehov in Slovakov, je prispel na Reko. Bilo je veselo, **pilo se je, pelo se je.**

рус. Поезд, набитый чехами и словаками, пришел в Реку. Было весело, пили и пели.

В словенском языке, в отличие от других южнославянских языков, использование СИК для обозначения актуального действия ограничено. В других южнославянских языках СИК могут использоваться как для выражения многократности, так и для передачи актуального действия. Штокавский пример (25), где выражено продолжающееся действие, актуальность которого подчеркивает наречие *sad* ‘сейчас’, не может быть переведен на словенский с использованием СИК. Возвратная конструкция в штокавском примере относится не к обобщенному, но к неназванному конкретному субъекту — группе, выполняющей действие, а в словенском и русском языках в подобном случае обычно используется 3 л. мн. ч.:

(25) шток. Ne smetaj, zar ne vidiš da **se sad jede.**

слвн. Ne moti, a ne vidiš, da zdaj **jedo.**

рус. Не мешай, разве ты не видишь, что они сейчас **едят.**

В болгарском языке, в отличие от словенского, СИК могут быть использованы для описания однократного действия в прошлом, см. (26), с употреблением аориста сов. в. Речь здесь идет не об общем или неназванном субъекте, но о субъекте, выполняющем конкретное действие и неизвестном говорящему. Для точного перевода на словенский язык, где использование СИК в этом случае невозможно, вводится неопределенное местоимение:

(26) болг. На заключената врата силно **се почука.** (Градинарова 2007: 46)

слвн. Na zaprta vrata kureja je **nekdo** močno potrkal.

рус. В запертую дверь купе сильно **постучали**²⁰.

Актуальное действие в словенском требует, как правило, наличия конкретно-референтного лица, что делает использование СИК по меньшей мере сомнительным. Исключение составляют особые прагматические контексты (ср. 27), когда говорящий, отчитывая адресата, избегает употребления форм 2 л., выражая упрек при помощи СИК и смещая акцент с индивидуального на общее, тем самым придавая своему высказыванию больший вес:

²⁰ Русский перевод (26) показывает, что неопределенно-личные конструкции со сказуемым в 3 л. мн. ч., обычно соответствующие словенским СИК, могут описывать конкретную актуальную ситуацию или конкретную ситуацию в прошлом, что нехарактерно для рассматриваемых словенских конструкций.

(27) слвн. Janez je odprl vrata in zagledal Petra: »A **se prihaja** kar brez najave?!«
 рус. Янез открыл дверь и увидел Петра: «Как можно приходиться без предупреждения?!».

Пример (27) показывает, что в словенском языке СИК может, кроме хаби­туальности и итеративности, выражать также и прескриптивную (деонтиче­скую) модальность, связанную с установкой определенных правил (см. также (28))²¹:

(28) слвн. »Kako **se reče**, Lana?« »Hvala!«
 рус. «Что нужно сказать, Лана?» «Спасибо!»

В случаях с отрицанием СИК могут выражать и запрет (29). В таких контекстах употребляются глаголы как несов., так и сов. в. в настоящем времени, а при отрицании преобладают глаголы несов. в.:

(29) слвн. Na avtocesti **se ne ustavlja**, niti zaradi toče.
 рус. На шоссе нельзя останавливаться, даже при граде.

4. Аргументная структура СИК

Смещение в СИК фокуса сообщения в сторону хаби­туальности, итеративности или нормированности вызывает частое опущение прямого до­полнения при переходных глаголах, что видно по использованию глаго­лов *pisati*, *kuhati* в (30):

(30) слвн. To je ravno razloček med nama, milostljiva gospa. Vi veste, kako **se piše**, jaz pa kako **se kuha**.
 рус. Вот именно в этом, милостливая госпожа, между нами разница. Вы знаете, как писать, а я — как варить.

В высказывании с хаби­туальным и прескриптивным значением же­лание формально выразить дополнение может быть реализовано двумя способами: при помощи страдательной конструкции с пациенсом в форме им. пад. или же при помощи СИК с пациенсом в форме вин. пад. Осо­бо отметим, что в обоих случаях речь идет об использовании возвратных форм переходных (т. е. исходно невозвратных) глаголов в паре с фор­мальной невыраженностью имплицированного агенса-человека.

4.1. Пассивные конструкции с пациенсом в именительном падеже

Хаби­туальное значение может быть выражено при помощи пассивных кон­струкций, подчеркивающих положение пациенса (31) или стимула

²¹ СИК могут передавать деонтиче­скую модальность и в других южнославянских языках (для болг. примеров см. подробное в [Иванова, Петрова 2017]).

(32) при глаголах восприятия. В словенском языке в таких случаях, несмотря на то, что речь идет о обобщенном значении, может быть употреблен как несов. (32), так и сов. в. (31):

(31) слвн. Domača naloga_{NOM} **se naredi** za vse predmete, ki so bili tisti dan v urniku.
рус. Домашнее задание нужно делать по всем предметам, которые были в этот день в расписании.

(32) слвн. Z razglednega stolpa **se vidijo** Aranski otoki_{NOM}.
рус. Со смотровой площадки видны Аранские острова.

Сущность подобных пассивных конструкций обнаруживается при их сравнении с декаузативными (33), формально схожими (пациенс в им. пад. при возвратной форме глагола), но обладающими иным значением:

(33) слвн. Vrata so se odprla. / Vrata so se vedno odpirala.
рус. Дверь открылась. / Дверь всегда открывалась.

В (33) представлена декаузативная конструкция, описывающая спонтанное действие. Неясно, является ли оно автоматическим или же обусловлено невыраженным каузатором. Отличие от активной конструкции состоит в том, что в описываемой ситуации отсутствует один из главных участников (агенса или каузатора). В русском языке в данном случае очевидно различаются канонический пассив (*Дом строился*) и декаузатив (*Дверь открылась*): в пассивных конструкциях выступают возвратные формы лишь глаголов несов. в., тогда как в декаузативе употребляются возвратные формы обоих видов²². В случае, если подчеркивается результативность, в декаузативных конструкциях в словенском языке обычно употребляются глаголы сов. в. в прошедшем времени, ср. первое предложение в (33).

Автоматический характер действия раскрывается при употреблении в предложении определительного местоимения (слвн. *sam*, рус. *сам*): *Vrata so se sama odprla* ‘Двери открылись сами собой’, *Vlak se je sam ustavil* ‘Поезд остановился сам по себе’.

В рассматриваемых пассивных конструкциях и СИК, в отличие от декаузативных конструкций, обязательно подразумевается обобщенный участник-человек — экспериенцер (32, 34) или агенс (31, 35).

4.2. СИК с пациенсом в винительном падеже

Другой способ эксплицитного выражения пациенса в СИК представлен в структурах, которые нормативная грамматика долгое время трактовала

²² О различии между декаузативом и пассивом и о некоторых исключениях см. [Князев 2011].

ла как калькированные из неславянских языков [Bajec, Kolarič idr. 1973, 256]. Это конструкции с возвратными формами переходных глаголов в 3 л. ед. ч. ср. р. с прямым дополнением в вин. пад. (35), при отрицании заменяющегося род. пад. (34):

(34) слвн. *Z razglednega stolpa se vidi Aranske otoke*_{ACC}. / *Z razglednega stolpa se ne vidi Aranskih otokov*_{GEN}.

рус. Со смотровой площадки видны Аранские острова. / Со смотровой площадки не видно Аранских островов.

(35) слвн. *Domačo nalogo*_{ACC} *se naredi za vse predmete, ki so bili tisti dan v urniku.*

рус. Домашнее задание делается по всем предметам, которые были в этот день в расписании.

Уже в первой половине XX в. некоторые лингвисты [Škerlj 1937] описывали эти словенские СИК как развившиеся, по всей вероятности, из пассивных с пациенсом в им. пад.²³, причем выражение пациенса формой вин. пад. способствовало приобретению ими активного значения²⁴.

При сравнении СИК, в которых пациенс выражается вин. пад., с каноническими пассивными конструкциями обнаруживается ряд различий. В СИК использование возвратного притяжательного местоимения *svoj* помогает обнаружить наличие имплицированного агенса или экспериенцера (36). Антецедент *svoj* в этом случае анафорически реферирует не к пациенсу, а к невыраженному агенсу-человеку.

(36) слвн. *Svojih učencev*_{GEN} **se ne pusti** *na cedilu.*

рус. Своих учеников не бросают на произвол судьбы.

(37) **Svoji učenci se ne pustijo na cedilu.* (vs. *Učenci se ne pustijo na cedilu.*)

*Свои ученики не бросаются на произвол судьбы.

Как видно по (37), местоимение *svoj* не может быть использовано в пассивных конструкциях, где пациенс выражен им. пад.

В словенском языке пассивная конструкция и СИК с вин. пад. конкурируют, но более нормативной и частотной является пассивная.

СИК с вин. пад. широко употребляется с глаголами восприятия при обобщенном экспериенцере (34, 38), о чем писали словенские лингви-

²³ В словенском языке разница между им. и вин. пад. в ед. ч. формально выражена только у существительных ж. р. (склонение на *-a, -ja*) и одушевленных существительных м. р. Если в предложении представлены неодушевленные существительные м. и ср. р. в ед. и мн. ч., формы совпадают.

²⁴ Уже С. Шкерль [Škerlj 1937, 418] отмечал, что в данном случае мы имеем дело с безличными активными конструкциями. Агентивность здесь связана с невыраженным субъектом, а активность действия подтверждает пациенс в вин. пад. О схожем развитии СИК с вин. пад. в польском языке см. [Siewierska 1988].

сты (напр., [Шкерль 1937]), выявившие, что при предикатах восприятия (напр., *vidi se* ‘видно’, *sliši se* ‘слышно’) прямое дополнение часто выступает в роли стимула:

(38) слвн. Našega pastirja_{ACC} **se sliši** dve uri daleč.

рус. Нашего пастуха слышно за два часа ходьбы.

4.3. Двусмысленность пассивных конструкций с именительным падежом

В конструкциях с пациенсом, выраженным им. пад., и возвратным глагольным сказуемым в 3 л. ед. ч. двусмысленность обнаруживается исключительно в случае, если грамматическое подлежащее обозначает человека. В этом случае лишь контекст помогает понять, имеем ли мы дело с активными предложениями, в которых агенс и пациенс совпадают, или же с пассивными, в которых пациенс и формально невыраженный агенс не идентичны. Русские переводы выявляют двусмысленность словенского примера (39): в русском языке при совпадении агенса и пациенса употребление предиката *искать* возможно лишь с местоимением *себя*, а возвратная форма невозможна. Возвратная словенская морфема может иметь в таких случаях два разных значения, ни одно из которых не передается при помощи русского *-ся*:

(39) слвн. Najstnik_{NOM} **se še išče**. (страдательная или активная конструкция)

рус. 1. Подросток еще ищет себя.

*Подросток еще ищется

рус. 2. Подростка еще ищут.

Следует отметить возможность омонимического использования возвратной морфемы *se* в различных смысловых и синтаксических ролях в (39): в одном случае она маркирует активную возвратную конструкцию, а в другом — пассивную²⁵. Конкретное значение конструкции в таких ситуациях определяется не ее структурой, а внешним контекстом.

Двусмысленность отсутствует в СИК с пациенсом в вин. пад. (40):

(40) слвн. Najstnika_{ACC} **se še išče**. (активная конструкция с невыраженным имплицитированным агенсом и пациенсом в вин. пад.).

рус. Подростка еще ищут.

²⁵ Двусмысленное употребление возможно в узкой группе глаголов, напр.: *hvaliti* ‘хвалить’, *kritizirati* ‘критиковать’, *nadzorovati* ‘наблюдать, надзирать’, *iskati* ‘искать’, *opozarjati* ‘предупреждать’. Их характерной особенностью является импликация агенса-человека.

5. Выводы

В статье рассматриваются словенские конструкции с возвратными формами невозвратных глаголов, прототипически выражающие деконкретизированное действие, исполнителем которого является произвольный участник, чаще всего агенс-человек. Деконкретизация действия в словенских СИК связана с хабитуальностью, повторяемостью (итеративностью) и деонтичностью. Сравнение данных конструкций с возвратными в других южнославянских языках показало, что словенские СИК не могут выражать актуальное длительное или однократное конкретное действие.

В словенских СИК употребляются как переходные, так и непереходные глаголы. В обоих случаях смысловой акцент находится на самом действии, что обусловлено употреблением переходных глаголов в данных конструкциях без эксплицитно выраженного дополнения, которое, при условии его выражения формой вин. пад., кодирует в этих конструкциях пациенс или стимул.

Особенности СИК выявляются при сравнении со страдательными конструкциями. Во-первых, в словенском языке для обоих типов конструкций характерно уменьшение референциальности агенса. Во-вторых, словенские СИК могут выражать лишь обобщенное действие, в то время как для страдательных конструкций характерно выражение не только обобщенного, но также и актуального действия.

Соотношение СИК и пассивных конструкций обуславливает также два способа выражения объекта в роли пациенса или стимула: страдательный с пациенсом в им. пад. и СИК с пациенсом в вин. пад. Сравнение конструкций показывает, что использование СИК оправдано для снятия двусмысленности, четкого разграничения участников ситуации и демонстрации их места в иерархии.

Перевод: В. Ю. Шатин

Список сокращений

ACC — винительный падеж, GEN — родительный падеж, DAT — дательный падеж, NOM — именительный падеж, IMPRF — несовершенный вид, PRF — совершенный вид.

Использованные корпуса и поисковые системы

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/Gigafida.2.0> = Besedilni korpus slovenskega jezika. URL: <https://viri.cjvt.si/gigafida/>
Google. URL: <https://www.google.si>
ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages. URL: <http://parasolcorpus.org>

Библиография

ГЕНЮШЕНЕ, Э. Ш., НЕДЯЛКОВ, В. П., 1991. Типология рефлексивных конструкций. In Бондарко А. В. (ред.), *Типология функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, 241–276.

ГРАДИНАРОВА, А. А., 2007. Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия, *Acta Linguistica* I/1, 41–54.

ИВАНОВА, Е. Ю., ПЕТРОВА, Г. М., 2017. Болгарские возвратные клитики *се* и *си*: омонимия, полисемия, синтаксис, *Вопросы языкознания*, № 1, 74–104.

КНЯЗЕВ, Ю. П., 2011. Пассивные и пассивоподобные возвратные конструкции с глаголами совершенного вида в русском языке. In *Материалы и тезисы конференции, посвященной 50-летию Петербургской типологической школы*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 94–99.

НИКИТИНА, Е. Н., 2011. Неопределенно-личные предложения. In *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. Москва. URL: http://rusgram.ru/Неопределенно-личные_предложения (15.07.2020).

ВАЈЕС, А., KOLARIČ, R., idr., 1973. *Slovenska slovnica*³. Ljubljana: DZS.

BENIĆ, M. (u tisku). *Gramatika govora Kukljice*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

BUNČIĆ, D., 2018. Impersonal constructions in Slavic languages and the agentivity of the verb. In Kempgen S., Wingender M., Franz N. (ed.), *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 101–110.

IVIĆ, M., 1963. Kategorija Man-Sätze u slovenskim jezicima, *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu* VII, 93–98.

КОРЕЧНЫЙ, F., 1962. *Základy české skladby*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

LYONS, J., 1977. *Semantics*. Vol. 1 and 2. Cambridge: Cambridge University Press.

MØNNESLAND, S., 1984. The Slavonic frequentive habitual. In G. De Groot, H. Toomola (ed.), *Aspect Bound: A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugric aspectology*. Dordrecht, Cinnaminson: Foris Publication.

PLUNGJAN, V. A., 2016. *Opća morfologija i gramatička semantika (Uvod u problematiku)*. Zagreb: Srednja Evropa.

SAY, S., 2021. Reflexive passive. In M. L. Greenberg (ed.), *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Leiden: Brill Publishers.

SIEWIERSKA, A., 1988. The passive in Slavic. In M. Shibatani (ed.), *Passive and Voice (Typological studies in language 16)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 243–289.

ŠKERLJ, S., 1937. Bezlične povratne rečenice sa aktivnom konstrukcijom. In *Beličev zbornik*, 417–429.

TOPORIŠIČ, J., 2004. *Slovenska slovnica*⁴. Maribor: Obzorja.

UHLIK, M., ŽELE, A., 2018. Brezosebne zgradbe v slovenščini: kontrastiva z drugimi južnoslovanskimi jeziki in ruščino, *Jezikoslovni zapiski* 24/2, 99–112.

ŽELE, A., 2007. Brezosebni glagoli in brezoseb(kov)na raba, *Razprave razreda za filološke in literarne vede SAZU*, 20, 337–357.

Bibliography (Transliteration)

- BAJEC, A., KOLARIČ, R., idr., 1973. *Slovenska slovnica*³. Ljubljana: DZS.
- BENIČ, M. (u tisku). *Gramatika govora Kukljice*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- BUNČIĆ, D., 2018. Impersonal constructions in Slavic languages and the agentivity of the verb. In S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz (ed.), *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 101–110.
- GENYUSHENE, E. SH., NEDYALKOV, V. P., 1991. Tipologiya reflektivnykh konstrukcij. In Bondarko A. V. (red.), *Tipologiya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Sankt-Peterburg: Nauka, 241–276.
- GRADINAROVA, A. A., 2007. Bolgarskij sub'ektivnyj impersonal i ego ruskije funkcional'nye sootvetstvija, *Acta Linguistica* I/1, 41–54.
- IVANOVA, E. Yu., PETROVA, G. M., 2017. Bolgarskie vozvratnye klitiki se i si: omonimija, polisemija, sintaksis, *Voprosy jazykoznanija*, 1, 74–104.
- IVIĆ, M., 1963. Kategorija Man-Sätze u slovenskim jezicima, *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*, VII, 93–98.
- KNYAZEV, Yu. P., 2011. Passivnye i passivopodobnye vozvratnye konstrukcii s glagolami sovershennogo vida v ruskom yazyke. In *Materialy i tezisy konferencii, posvyashchennoj 50-letiju Peterburgskoj tipologičeskoj shkoly*. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya, 94–99.
- KOPEČNÝ, F., 1962. *Základy české skladby*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- LYONS, J., 1977. *Semantics*. Vol. 1 and 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- MØNNESLAND, S., 1984. The Slavonic frequentive habitual. In G. De Groot, H. Toimola (ed.), *Aspect Bound: A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Dordrecht, Cinnaminson: Foris Publication.
- NIKITINA, E. N., 2011. Neopredelenno-lichnye predloženiya. In *Materialy dlya projekta korpusnogo opisaniya ruskoy grammatiki*. Na pravah rukopisi. Moskva. URL: http://rusgram.ru/Neopredelenno-lichnye_predloženiya (15.07.2020).
- PLUNGJAN, V. A., 2016. *Opća morfologija i gramatička semantika (Uvod u problematiku)*. Zagreb: Srednja Evropa.
- SAY, S., 2021. Reflexive passive. In M. L. Greenberg (ed.), *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Leiden: Brill Publishers.
- SIEWIERSKA, A., 1988. The passive in Slavic. In M. Shibatani (ed.), *Passive and Voice* (Typological studies in language 16). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 243–289.
- ŠKERLJ, S., 1937. Bezlične povratne rečenice sa aktivnom konstrukcijom. In *Beličev zbornik*, 417–429.
- TOPORIŠIČ, J., 2004. *Slovenska slovnica*⁴. Maribor: Obzorja.
- UHLIK, M., ŽELE, A., 2018. Brezosebne zgradbe v slovenščini: kontrastiva z drugimi južnoslovanskimi jeziki in ruščino, *Jezikoslovni zapiski*, 24/2, 99–112.
- ŽELE, A., 2007. Brezosebni glagoli in brezoseb(kov)na raba, *Razprave razreda za filološke in literarne vede SAZU*, 20, 337–357.

Младен Ухлик, доктор филологических наук; доцент отделения славянских языков философского факультета, Люблянской университет, Словения.

Mladen Uhlík, Dr. Phil. Hab.; Assistant professor at the Department of Slavistics of the Faculty of Arts, University of Ljubljana, Slovenia.

Mladen Uhlík, filologijos mokslų daktaras, Liublianos universiteto Filosofijos fakulteto Slavistikos skyriaus docentas, Slovėnija.

Андрей Желе, доктор филологических наук; профессор отделения словенского языка философского факультета, Университет Любляны, Словения; ведущий научный сотрудник, Институт словенского языка им. Франа Рамовша, Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств, Любляна, Словения.

Andreja Žele, Dr. Phil. Hab.; full professor at the Department of Slavistics of the Faculty of Arts, University of Ljubljana, Slovenia; leading researcher at Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, Ljubljana, Slovenia.

Andreja Žele, filologijos mokslų daktarė, Liublianos universiteto Filosofijos fakulteto Slavistikos skyriaus profesorė; Slovėnijos mokslų ir menų akademijos Frano Ramovšo Slovėnų kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja, Slovėnija.